

Вот что сказал однажды об Улановой Алексей Николаевич Толстой: «Давайте договориться, что это действительно самая обыкновенная богиня».

ГОТОВЯСЬ к встрече с Галиной Сергеевной Улановой, я не могла сразу отделать ее человеческую «земную» суть от тех мгновений, которые дарила она зрителю и которые не забываются.

Скоростной лифт уже поднял меня на девятый этаж высотного здания. Подхожу к двери квартиры Галины Сергеевны, а все еще не могу себе внушить, что иду не к шекспировской Джульетте, не к пушкинской Марии, не к «обыкновенной богине»...

Мешало еще и то, что я немалю начиталась и насыщалась о замкнутости Улановой, о ее предельной строгости в оценке людей, как, впрочем, и себя. Лишь теперь, при встрече, я отчетливо поняла, что, во-первых, у Улановой есть право избранных — всегда оставаться собой, во-вторых, надо научиться «прочитывать между строк» то, чего она не договаривает в силу своей неприязни к излишним «словесным эмоциям». И, наконец, еще одно, очень характерное, видимо, при первой встрече с Улановой в жизни. Ее собеседник не может сразу отделаться от «гипноза»: вот, мол, передо мной великая балерина, и, значит, ни на кого на свете она непохожа... А потом, тоже почти сразу, безошибочно чувствуешь глубокую скромность Улановой. И понимаешь, как не хватило тебе умения быть естественной, как сама усложнила простоту общения с этой на редкость душевной и обаятельной женщиной. Красота Улановой — это гармония ее внутреннего и внешнего «я».

Стараюсь передать, как поняла, лишь некоторые ощущения и мысли, которые, быть может, были бы созвучны и вам, читатель, при встрече с Улановой. Но ведь для вас эта встреча с ней...

Запоминая каждое ее слово, краем глаза оглядываю комнату и не могу не отметить вкус Улановой. И в каких-то незапамятных — для души, а не ради моды — безделушках, и в цветах на столе вперемешку с ветками красной рябины...

— Это я сама набрала веточки во время последней прогулки по лесу. Я всегда слежу за природой. Мой отец был страстным рыболовом и охотником, поэтому у меня привычка с детства встречать и провожать времена года... Еще люблю заплывать на байдарке в камыши, улечься в лодке и слушать воду, землю, небо... А много лет назад, когда еще не было портативных магнитофонов, брала с собой иногда патефон и включала любимую пластинку... Вот ведь странно, теперь магнитофоны, транзисторные приемники стали привычны, как водопровод. На природе порою их гвалт очень мешает... Люблю побыть наедине с природой. Раньше после частых выступлений у меня возникала просто потребность в общении с природой один на один, в кратковременном одиночестве...

Галина Сергеевна, обрисуйте человека, с которым вы могли бы быть дружны. И что такое вообще, по-вашему, хороший человек?

— Если рядом с тобой хороший человек, то это еще не всегда значит, что и в тебе повторяются все его хорошие качества... Вроде, как подобрал себе подобного. Нет, порою ведь ищешь в человеке то, чего тебе не хватает. Другого по характеру, другого по эмоциям... Что я ищу в человеке, чтобы назвать его хорошим? Тут нет никаких открытий. Я, как и все, наверное, люблю в человеке доброту, veselость, ум, конечно, а главное, индивидуальность, «незаштампованность», что ли. Мне очень нравятся люди с порывами, люди смелые. Пусть порою ошибающиеся, но искренние, без фальши, без позы. Знаете, сейчас иногда встречается какая-то странная разновидность дружбы, весьма приземленная, с ложным пониманием доброты, мнимой душевной щедростью. Мол, друг это тот, кто тебя устроит на «тепленькое местечко», кто тебе, равнодушному к жизни и к своей работе, со стороны расхвалит, «как достичь успеха», разжует и положит в рот некие «правила обретения мастерства». Я не уважаю людей «милых для всех», они меня раздражают. Кстати, для себя такие люди всегда остаются в выгоде. Я признаю в человеке добро другого рода — чистое и

принципиальное. Дружба накладывается на человека множество обязательств. Они естественны и приносят радость. Ты не ведешь счета: столько-то отдал, столько-то взамен получил. Быть может, лишь отдал, ну и что ж — в этом тоже радость...

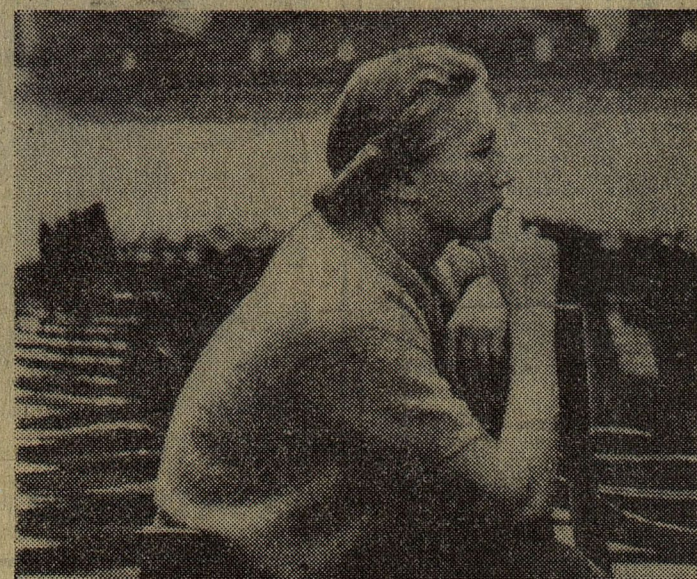
— Какую черту характера вы больше всего не любите в людях?

— Подобострастие. Это своего рода лакейство. И еще — трусость. Склоненная голова — не всегда признак скромности, порою — подобострастия и трусливой никчемной натуры. Простите, я здесь, быть может, несколько категорична, но люблю людей открытых, ясных в своих действиях и поступках.

ражения о прекрасном в женщине еще раз вспомнились при встрече с Улановой. И подумалось о том, как часто, оправдывая свою внешнюю разболтанность, грубость теми или иными жизненными ситуациями, многие девушки и женщины обедняют себя. Не ради самоунижения, но хочу, кстати, заметить, что и сама чувствовала себя рядом с Улановой и нескладной, и неоправданно шумливой... И даже что-то значительно более серьезное, недосказанное самой себе и про себя, «досказала» я мысленно во время этой встречи. Судите сами, что более, а вернее, едино влияет: красота ли Улановой-человека, красота ли ее

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Галина Уланова

— Галина Сергеевна, образы Ромео и Джульетты стали нарицательными не только в литературе, но и в жизни. И немалая толика вашего таланта вложена в это. Не могли бы вы поделиться своим пониманием любви сегодняшних Ромео и Джульетты. Иначе говоря, созвучен ли сегодняшним молодым людям Шекспир? Ведь его трагедия «Ромео и Джульетта» не только несет чистые, возвышенные эмоции, но и нравственные начала.

— Мне думается, к Шекспиру нечего добавлять, ибо и по сей день он очень современен. Однако, если бы не было вражды, запрета родителей, не случилось бы печальной повести о Ромео и Джульетте. Напротив, искрометное, безграничное счастье взаимной любви. Но то была любовь, и какая! А молодость порою путает увлечение с истинной любовью. Порой попирают ее вечно — да, вечно! — живую романтику и красоту взаимоотношений. Кажусь ортодоксом? Но ведь в любви трудно быть советчиком. Ромео и Джульетта очень чисто, искренне чувствовали. Да, они несколько возвышенны, а кто сказал, что чувства могут быть приземленными? Чувства остались теми же и по сей день, но стали более современными, что ли. Слова о любви остались те же, как и во времена Ромео и Джульетты, но каждый понимает их по-своему. Стереотипа в чувствах быть не может. И нелепо ссылаться, что, мол, тогда была «романтика», а нынче — не то...

...Сейчас сижу рядом с Галиной Сергеевной в небольшой гостиной, где старинная мебель не напояз, а уютно, по-домашнему расставлена. Надо успеть очень точно запомнить слова и обороты речи, присущие именно Галине Сергеевне. И вместе с тем бесконечно хочется наблюдать и то, как она сидит, как двигаются ее руки, как гармонична она во всем... Мне можно возразить: еще бы, ведь безукоризненность, точность движений — ее профессия. Но там сцена, здесь — жизнь, и, поверьте, легко уловить малейший наигрыш. А его нет! А есть, если хотите, наивысший, конечно, образец мягкой простоты, истинной благородной женственности, допущенной негромкой, не вычурной в словах и жестах речи, что всегда было присуще настоящей русской женщине. Такими мы знаем их по книгам классиков и в жизни тоже.

Все эти общеизвестные сооб-

творчества, которое стало ее природой, ее второй натурой...

— Вы ратуете за женщин поэтических?

— Мне думается, что хоть и давно ушла с нашей земли война, но то время, когда женщины трудно было оставаться эдаким «поэтическим созданием», когда женские плечи давили горе, непосильная тяжесть мужского труда, «эх» того страшного времени не может быстро исчезнуть. Когда после войны мы вновь ставили балет «Ромео и Джульетта» — он воспринимался нами, как произведение современное. В этом восприятии немалую роль сыграло все пережитое и пережитое в годы войны. Дело, разумеется, не в каких-то более или менее прямых ассоциациях... Жизнь научила меня новыми глазами взглянуть на мою первую послевоенную роль — роль Джульетты — и придать ей те черты мужества и решимости, которые раньше были не так вывешены. «Нынешними очами» смотрим мы на Шекспира сегодня, и этот взгляд отличается от вчерашнего, а завтра он, наверное, опять изменится. В Джульетте увидела я волю необыкновенной силы, способность и готовность бороться за свое счастье... Да, так о сегодняшних Ромео и Джульеттах... Если говорить о внешних проявлениях, то меня очень радует, что юноши научились красиво и свободно дарить любимым цветы, радует вновь обретенная поэтическая красота их взаимоотношений, радует даже нарядность и модность их одежда, когда они торопятся на свидание... Но, главное — во внутреннем ощущении, в чистоте и неизломанности чувств...

— Сейчас искусство стало значительно более массовым, ведь «наступает» телевидение. Что бы вы сказали о роли искусства в настоящем и будущем? Не превратится ли оно в искусство «с доставкой на дом»? И еще, хоть вкратце, как вы относитесь к новым тенденциям в современном зарубежном балете?

— О, это слишком обширные вопросы. Ответу на них лишь вкратце. По телевидению обычно я смотрю лишь кинофильмы. Мне кажется, что телевидение сегодня еще не нашло себя полностью. Балету телеэкран никак не может «угрожать». Если ты сидишь далеко в театре, то берешь бинокль, и все к тебе приближается. А в балете на экране телевидения видишь лишь часть, которому не хва-

тает целого. Ведь порою выражение лица дополняет движение. Когда все это «разбито» — полноты восприятия не получается. Ты увидишь заученные классические движения, но не увидишь тот «подтекст», что обязательно старается выразить хороший балетный актер. Иначе — все актеры были бы одинаковы. Вот этой «одинаковостью» и будет всегда грешить телеэкран в показе балета. Итак, о современных тенденциях... Балет тоже следует моде, веянию времени. Ультрасовременный балет более лаконичен, условен, как бы отражает «машинизированное» восприятие напряженного ритма двадцатого века. Быть может, до конца это станет понятным лишь через годы, но классический балет никогда не умрет, лишь будет совершенствоваться. Я помню, как мы, воспитанные на музыке Чайковского, Глазунова, с огромным трудом восприняли музыку Прокофьева. Не мыслилось, как можно танцевать под музыку, где частая смена ритмов ломала, казалось, все классические каноны... Вот видите, как можно заблуждаться. Когда я смотрю ультрасовременный зарубежный балет, то далеко не всегда все принимаю в нем. Однако могу понять, что современные ритмы требуют современных форм выражения, и с интересом наблюдаю за этими поисками. Как видите, я не консерватор. А вот если в «Лебедином озере» начнут выделять «безумные па»... Улучшать, усиливать что-то технически, но не за счет «левизны», за счет качества, таланта исполнителей.

— Какое напутствие хотели бы вы дать, Галина Сергеевна, талантам и поклонникам завтрашнего дня?

— Мне кажется, — Уланова улыбулась, — и талант, и поклонник... должны быть талантливы. Все дело в том, чтобы своевременно этот талант раскрыть, объяснить человеку его призвание... Будет время — талантов станет появляться все больше и больше в любых профессиях, в любых сферах жизни. Умение найти свой путь в профессии, отдавать избранному делу как можно больше от своего сердца, таланта, трудолюбия... Тогда ты обретишь крылья. Никакого «магического везения» нет и быть не может. Есть любовь к жизни и умение наблюдать ее бесконечное многообразие, фиксировать свое внимание не на мелочах, не на теневых сторонах, а на светлом, добром и прекрасном. Иные считают, что вот рабочий день кончился и самое главное начинается теперь «там», за пределами работы...

— А для вас?

— А для меня, например, это не жизнь, если сплошные воскресенья. Вот видите, я все про себя, но без профессии моей прошлой и настоящей не обойдусь, и говорить-то мне было бы нечего. Я по сей день чувствую себя как будто в длительном отпуске... Вот он пройдет, и я снова смогу танцевать...

Такими словами закончила наш разговор Галина Сергеевна. А на следующий день разговор вдруг молчаливо продолжился, когда, получив от Улановой разрешение, я сидела, замерев, на приступочке огромного зеркала одной из классных комнат Большого театра. Уланова еще не пришла, и балерины, разминаясь, ждали ее прихода. Ждали, как ждут выхода на сцену великой артистки. С той только разницей, что сейчас Галина Уланова войдет к ним еще и как их вдохновенный режиссер, любимый репетитор, помогающий до самых глубин проникнуть в образ, который они призваны создать на сцене. И Уланова пошла... И в классной комнате послышались негромкие звуки рояля... И чуткие, неповторимые «подсказки» давала «обыкновенная богиня» своим подопечным. Казалось, талант ее сливался воедино с талантом тех, кто пришел следом за ней на величайшую балетную сцену мира.

Т. АГАФОНОВА.

«Комсомольская правда»
МОСКВА

28 СЕН 1969